

Медицинская (клиническая) психология

УДК 159.942.2 + 159.923.3
ББК Ю752.45 + Ю935.13:Ю752.45

DOI: 10.14529/psy150405

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ПЕРЕЖИВАНИЕ БЕЗНАДЕЖНОСТИ В СТРУКТУРЕ ВНУТРЕННИХ ФОРМ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

И.М. Ермолова¹, А.В. Штрахова²

¹ Омская клиническая психиатрическая больница им. Н.Н. Солодниковой, г. Омск

² Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Представлен теоретический обзор проблемы временной перспективы личности в её связи с переживанием беспомощности у лиц с депрессивными расстройствами и суицидальным поведением. Исследованы некоторые аспекты психологического содержания временной перспективы и переживания безнадежности у 37 пациентов, обращающихся за медико-психологической помощью в связи с наличием у них феноменов внутренних форм суицидального поведения в виде антивитальных переживаний, суицидальных мыслей или намерений. С помощью опросника депрессивности А. Бека (Beck Depression Inventory, BDI) и шкалы безнадежности А. Бека (Beck Hopelessness Scale, BHS) верифицированы наличие у них субдепрессивной симптоматики и проявлений безнадежности-безысходности. Результаты исследования по методикам «Семантический дифференциал времени» и «Психологическая автобиография» показывают, что временная перспектива у таких пациентов в ситуации переживания безнадежности характеризуется преимущественно пессимистической оценкой настоящего, которая проецируется в будущее с несколько более позитивными характеристиками. В то же время прошлое идеализируется и оценивается позитивно по всем факторам психологического содержания времени – его активности, эмоциональной оценки, структурированности, степени психического напряжения и смысловой наполненности. Низкая степень насыщенности событиями жизни и такая же степень реализованности пациентов в настоящем согласуются со структурой оценки психологического времени в будущем и коррелируют с проецированием в будущее актуального для них депрессивного компонента безнадежности, беспомощности, безысходности и бесперспективности. Установленная в исследовании склонность таких пациентов автобиографически выделять среди всех событий психологического времени более отдалённые прошедшие события и более близкие будущие события связана со значимостью для них прошлого опыта и сложностью прогнозирования будущего. Показано, что использованные в исследовании временной перспективы методики и алгоритмы могут применяться при психо-профилактике риска суицидального поведения.

Ключевые слова: временная перспектива личности, чувство безнадежности, депрессия, суицидальное поведение, семантический дифференциал времени.

Одним из базовых положений современной психологии является тезис о том, что субъект представляет, осмысливает, организует себя во времени и выстраивает собственную временную перспективу как обобщённый образ жизни (Савлакова, 2010; Gjesme, 1983; Lens & Moreas, 1994; Nuttin & Lens, 1985). В последние годы особенности временной перспективы прежде всего как перспективы на будущее («perspective on the future») относительно часто становятся предметом психологического исследования в связи с признанием этого феномена в качестве одного из важнейших факторов формирования психологиче-

ского времени личности (Арестова, 2000; Головаха, Кроник, 1984), субъективной картины жизненного пути человека (Кроник, 1994) и временной организации не только ее личностного функционирования, но и жизни субъекта в целом (Абульханова, 2001). Современные представления о подходах к изучению временной перспективы личности основаны в основном на традиционных основаниях психологического исследования (Мандрикова, 2008; Квасова, 2012; Савлакова, 2010), например, в связи с другими психологическими феноменами (Головаха, эл. ресурс), изучением ее возрастных аспектов в целом (Бороздина,

1998; Сырцова, 2008) и особенностей ее проявлений у старшеклассников (Демина, 1997), подростков, включая ее роль при профессиональном самоопределении (Кузнецова, 2007), лиц юношеского (Белановская, 2008) либо пожилого возраста (Сурикова, 2012). Исследовались ситуативные аспекты временной перспективы у лиц с опытом пребывания в сложных жизненных условиях, например, у участвовавших в локальных боевых действиях и ликвидации последствий техногенных катастроф (Гурова, 2004; Миско, Тарабрина, 2004), находящихся в условиях относительной социальной изоляции (Сурикова, 2012) или пожизненного лишения свободы (Бовин, Славинская, 2011). Одной из очевидных областей изучения этого феномена является его проявление у людей, оказавшихся в различного вида сложных жизненных ситуациях: в переломные моменты жизни (Ральникова, 2012), в период экономической нестабильности (Зарубин, Сырцова, 2013), в кризисных (Павлова, Симонова, 2011) и экстремальных (Квасова, 2011; Квасова, 2013; Ермолова, 2015) ситуациях. Следует отметить, что одним из аспектов в этой области являются проблемы психологической диагностики этого явления (Кроник, Ахмеров, 2008; Сырцова, Соколова, Митина, 2008; Zimbardo, Boyd, 1999).

Такого рода перемены в жизни серьёзно влияют на переживание человеком времени, на его отношение к прошлому, настоящему и будущему. При этом будущее приобретает пессимистическую окраску, настоящее хаотично, а доступ к прошлому, которое может быть психологическим ресурсом, прекращается. Формирующиеся при этом нарушения различных компонентов субъективной картины будущего, её укороченность, искажённость, слабость и/или недоступность, негативная окраска могут приводить к формированию социогенных психических расстройств и различных форм дезадаптивного (в том числе и суицидального) поведения.

Очевидно, что комплекс проблем, связанный с суицидальностью человека, является одним из примеров такого рода кризисных и экстремальных ситуаций, напрямую влияющих на формирование временной перспективы (иногда и негативно влияющих). Необходимость комплексного, в том числе психологического, исследования, о которой длительное время ведется речь (Амбрумова, 1986), в настоящее время лишь все больше актуализируется.

Суицидальность является психологическим феноменом, который в числе немногих наиболее очевидно обнаруживает признаки кризисной ситуации (Амбрумова, Тихоненко, 1978).

К таким признакам, как правило, относятся: внезапность наступления такой ситуации (чаще импульсивно, несмотря на наличие относительно долговременного существования суицидальных мыслей и суицидальных поступков и поведения в целом), а также наличие очевидной и реальной опасности для жизнедеятельности человека. В контексте дальнейшего рассмотрения проблемы следует отметить, что при такого рода кризисной ситуации, помимо традиционно характерных для суицидальности проявлений, наблюдается непредсказуемость событий, неопределённость исхода и развития их последствий, сложность понимания и интерпретации происходящего человеком.

Всё это порождает чувство беспомощности и безнадежности, поскольку у человека возникает ощущение невозможности повлиять каким-либо образом на ситуацию (Мидько, 2012, 2013). В силу этого переживание чувства безнадежности (Hopelessness), имеющего два аспекта – пессимистические установки в отношении будущего и ощущение беспомощности перед ожидаемыми негативными событиями, – все чаще становится предметом психологического исследования.

В современных условиях перманентно развивающихся политических и экономических кризисов проблема суицида и суицидального поведения сохраняет свой статус одной из наиболее острых медико-социальных и клинко-психологических проблем. Очевидно, что те или иные трудности в решении возникающих проблем и ощущение безнадежности будущего порождают ощущение западни, что, в свою очередь, может провоцировать суицид.

Актуальность исследования этой проблемы подтверждается достаточно большим числом публикаций, в которых описываются сведения теоретического и прикладного характера, а также приводятся многочисленные статистические данные. Вместе с тем, считаем обоснованным в настоящей публикации отказаться от цитирования таких теоретических, эмпирических и статистических данных о распространенности суицидов и динамике этих показателей, поскольку в психологическом плане не менее важным является более систе-

матризованное понимание структуры личности суицидентов с целью осуществления фактически индивидуальных медико-психологических мероприятий, направленных а эффективное предупреждение самоубийств.

В то же время следует отметить позицию М.В. Зотова о том, что многие индивидуально-психологические особенности, указываемые в научных публикациях в качестве факторов риска суицида (неустойчивость к психоэмоциональному стрессу, дефицит коммуникативных способностей, незрелость механизмов защитно-приспособительного поведения и т. п.) наблюдаются у многих пациентов с психопатологией пограничного уровня и, в силу этого, являются общими и неспецифическими для лиц с риском суицидального поведения. Такого рода данные ставят под сомнение целесообразность использования традиционных для клинко-психологического исследования мишеней в работе по профилактике самоубийств, поскольку в случае применения описанных выше критериев слишком большое число людей с такого рода психологическими характеристиками необоснованно попадает в группу риска (Зотов, 2006).

По крайней мере, сохраняет свою актуальность предложенная А. Беком широко известная сегодня когнитивная концепция, согласно которой суицидальное поведение запускается при наличии определенной когнитивной схемы, включающей в себя так называемую негативную когнитивную триаду: негативный взгляд человека на себя, мир и собственное будущее. Как следствие, в русле когнитивного подхода в последнее время становятся популярными исследования так называемой «автобиографической памяти», с помощью которых можно выявить некоторые психологические составляющие когнитивных схем.

В развитие этих положений суицидальное поведение понимается как следствие специфических когнитивных искажений. В частности, считается, что дихотомичное мышление, склонность к глобализации и иррациональности, формирование ригидных и неадекватных реальности когнитивных схем предопределяют возникновение чувства безысходности (Соколова, Сотникова, 2006).

В определенном смысле посылкой организации описываемого исследования явились полученные на больших выборках суицидальных пациентов эмпирические данные о наличии тесной связи между негативной оценкой субъективной картины будущего и

суицидальным поведением, (Мидько, 2012, 2013), а также данные о предикторной роли чувства безнадежности в отношении суицида, дифференцированно проявляющегося у лиц с разным уровнем депрессии: с наличием значительных когнитивных искажений у депрессивных пациентов и с более реалистичным характером – у недепрессивных.

При этом роль клинически верифицированной и психометрически оценённой депрессии в формировании безнадежности различается. Так, считается, что у женщин феномен безнадежности связан с самим фактом депрессии и ее длительностью, а не с глубиной депрессивной симптоматики, у мужчин важной является прежде всего выраженность депрессивной феноменологии, особенно – ее когнитивного компонента.

Таким образом, предполагается, что временная перспектива, выполняя интегральную функцию отражения человеком своего прошлого, настоящего и будущего в их взаимосвязи, может существенно нарушаться под влиянием различного рода негативных факторов. При этом дисфункциональный характер временной перспективы может играть важнейшую роль в возникновении депрессивных переживаний и истинных суицидальных тенденций, а негативные временные модусы когнитивного и эмоционального характера (склонность к переживанию безнадежности, сниженная способность к прогнозированию позитивных событий) могут выступать прогностическими факторами суицидального риска. В то же время исследования различных аспектов временной перспективы как научной проблемы суицидологии практически не представлены в научной литературе.

Вышеизложенное предопределило необходимость проведения исследования особенностей временной перспективы у лиц, характеризующихся высоким риском суицидального поведения, на фоне различий в проявлении чувства безнадежности как одного из составляющих депрессивной симптоматики.

Экспериментальная база и выборка исследования. Исследование проводилось в отделении «Телефон доверия» с кабинетом медико-социально-психологической помощи (КМСПП) бюджетного учреждения здравоохранения Омской области «Клиническая психиатрическая больница имени Н.Н. Солодниковой» (БУЗОО «КПБ им. Н.Н. Солодниковой»).

Выборку исследования составили 37 человека (в том числе 9 мужчин и 28 женщин) в

возрасте от 20 до 53 лет (средний возраст мужчин – $22,6 \pm 2,2$ года, женщин – $26,0 \pm 8,0$ лет). Все принявшие участие в исследовании обратились в кабинет МСПП в связи с наличием кризисной ситуации (смерть близкого, утрата здоровья, развод, расставание, потеря работы, утрата социального положения, физическое и сексуальное насилие и др.).

Общими критериями включения в выборку явились: наличие вербализуемых суицидальных мыслей; отсутствие в анамнезе суицидальных действий либо наличие суицидальных попыток в период, не менее чем за полгода предшествующий моменту участия в исследовании; наличие клинически значимой депрессии; наличие внутренних форм суицидального в виде антивитаальных переживаний, суицидальных мыслей или суицидальных намерений, верифицированных по опроснику депрессивности Бека. Все вошедшие в выборку исследования дали информированное согласие на участие в нем.

Критерием исключения было наличие сопутствующего психического расстройства психотического уровня, отсутствие алкогольной или наркотической зависимости, а также интеллектуального снижения различного генеза.

Методы и методики исследования:

1. Экспериментально-психологический метод – исследование пациентов с различными вариантами проявлений суицидального поведения с помощью оригинальных, адаптированных и валидизированных психодиагностических методик:

- опросник депрессивности А. Бека (Beck Depression Inventory, BDI) в адаптированном Н.В. Тарабриной варианте, предназначенный для оценки наличия депрессивных симптомов, актуальных на момент обследования (Тарабрина, 2001);

- шкала безнадежности Бека (Beck Hopelessness Scale, BHS) в модификации А.-М. Аиш и Д. Вассерман, используемая для оценки выраженности негативного отношения к собственному будущему;

- методика «Семантический дифференциал времени» (СДВ, Л.И. Вассерман с соавт., 2009), применяющийся с целью изучения когнитивных и эмоциональных компонентов субъективного восприятия индивидуального психологического времени;

- проективная методика «Психологическая автобиография» в предложенной

Л.Ф. Бурлачуком и Е.Ю. Коржовой (1998) модификации, предназначенная для выявления особенностей восприятия значимых жизненных ситуаций прошлого и будущего.

2. Психосемантический подход – исследование особенностей когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов осознаваемых и малоосознаваемых отношений личности к событиям и явлениям.

3. Событийно-биографический подход – изучение психологических феноменов взаимодействия человека и ситуации, в основе которого лежит психология жизненного пути и подход, ориентированный на анализ событий недавнего прошлого. При этом устанавливаются как формальные характеристики восприятия жизненных ситуаций (*продуктивность воспроизведения образов прошлого и будущего; значимость для личности того или иного события по сравнению его с другими; его желательность; степень влияния события на жизнь; время антиципации или ретроспекции*), так и содержательные характеристики, например, тип и вид значимых событий, их «оригинальность – популярность» (*частота встречаемости событий различного содержания*), «сила–слабость» (*преобладающее влияние личностных либо ситуационных переменных*).

4. Статистический метод: подсчет первичных статистик выборки (значений средних арифметических и стандартных отклонений).

Дизайн исследования

Обследование пациентов проводилось индивидуально в течение двух встреч.

Логика исследования включала в себя планирование и реализацию следующих этапов:

1) определение с помощью опросника депрессивности Бека наличия клинически значимой депрессии и/или наличия внутренних форм суицидального поведения (антивитаальные переживания, суицидальные мысли или тенденции);

2) определение с помощью Beck Hopelessness Scale проявлений безнадежности у респондентов;

3) после получения убедительных данных о наличии у обследуемых депрессивной симптоматики уровня не ниже субдепрессивного и наличия тестовых данных о наличии проявлений безнадежности проведение обследования с помощью методики «Семантический дифференциал времени» когнитивных и эмоциональных компонентов субъективного

восприятия респондентами индивидуального психологического времени в контексте оценки временной перспективы;

4) выявление в результатах методики «Психологическая автобиография» формальных характеристик восприятия жизненных ситуаций (продуктивность воспроизведения образов прошлого и будущего; значимость для личности одного события по сравнению с другими; его желательность; степень влияния события; время антиципации или ретроспекции);

5) статистическая обработка результатов исследования;

6) качественный и количественный анализ, интерпретация результатов эмпирического исследования, формулирование выводов.

Алгоритм исследования подобного рода позволяет предложить оригинальный комплексный подход к изучению:

– во-первых, проявления чувства безнадежности в контексте его включенности в структуру депрессивной симптоматики (опросники BDI и BHS);

– во-вторых, психологической феноменологии суицидального круга (методики «Психологическая автобиография», BHS и клинико-психологические методы в рамках событийно-биографического подхода);

– в-третьих, проблем временной перспективы (Методики СДВ и «Психологическая автобиография»).

Представляется очевидным, что наиболее ценная (в плане решения задач исследования) информация как раз и будет локализоваться «на пересечении эйлеровских кругов» результатов применения психодиагностических методов и методик.

В связи с относительно малой известностью методики СДВ считаем целесообразным кратко описать ее.

Стимульный материал методики представлен набором 50 прилагательных, сгруппированных в 25 полярно организованных шкал, метафорически характеризующих время (прошлое, настоящее и будущее, оцениваемое при трехкратной экспозиции стимульного материала). Работа с этими шкалами проводится путем выбора соответствующего полюса, его оценки с помощью трехбалльной системы субъективной выраженности того или иного полюса у испытуемого, что позволяет ему выразить свои «временные» переживания, субъективные представления о своём прошлом, настоящем и будущем. Результаты обследо-

вания по каждому фактору обобщаются и представляются в системе пяти факторов:

- Фактор активности (АВ), отражающий степень напряженности, плотности и стремительности времени;

- Фактор эмоциональной окраски времени (ЭоВ), выражающий меру удовлетворенности оцениваемым временем (особенно – будущим);

- Фактор величины времени (ВВ), косвенно отражающий мотивационный потенциал отношения ко времени;

- Фактор структуры (СВ), свидетельствующий о развитии понятности, ритмичности, обратимости познавательной структуры времени для испытуемого;

- Фактор ощущаемости времени (ОВ), выражающий степень близости, реальности, открытости психологического времени.

Кроме того, рассчитывается интегральный показатель переживания того или иного периода времени – средняя величина оценки времени (СВОВ).

Применение методики в целях настоящего клинико-психологического исследования предполагает необходимость описания интерпретации клинически значимых результатов по методике (в контексте проблематики – описания, связанные с низкими значениями семантически отрицательных полюсов шкал).

При наличии психических изменений рассматриваемого круга у испытуемых с психической заторможенностью, апатичностью, низкой мотивацией время кажется пустым, пассивным, постоянным (низкие значения фактора АВ); печальным, тусклым, тревожным и серым (аналогичные значения по фактору ЭВ); маленьким, плоским, мелким и узким (фактор ВВ); непонятным, рвано протекающим, безвозвратным (фактор СВ); дистанционированным, нереальным, замкнутым и закрытым (фактор ОВ).

Обследование может проводиться в динамике оказания медико-психологической помощи (например, в начале, середине и конце лечения). Динамика показателей по шкалам (факторам) прямо или косвенно может свидетельствовать об эффективности терапии, например, увеличение показателей по фактору ОВ свидетельствует о редукции симптомов деперсонализации-дереализации (одного из важнейших показателей тяжести психопатологической симптоматики депрессивного регистра), а повышение значений по фактору

СВ – об эффективности психотерапевтического процесса в целом.

По аналогичным основаниям представляется целесообразным описать содержание и технику проведения обследования по методике «Психологическая автобиография». Испытуемому предлагается перечислить на специальном бланке неограниченное число наиболее важных, с его точки зрения, событий прошедшей и будущей жизни с указанием их даты. От испытуемого требуется выразить свое отношение к каждому событию, оценивая радостные любой отметкой от +1 до +5 баллов, а грустные – от –1 до –5 баллов. Обработка данных осуществляется в соответствии со специальными таблицами. При этом таблица I служит для определения количества радостных, грустных, прошедших, будущих событий и событий в целом. С помощью таблицы II осуществляется более детальный событийный анализ, с определением суммарного «веса» радостных, грустных, прошедших, будущих событий и событий в целом. В таблицу III вносятся данные о количестве событий, различающихся по силе воздействия, а в таблицу IV заносятся сведения о среднем времени антиципации и ретроспекции, характеризующих время осуществления событий. С помощью таблицы V можно осуществить содержательный анализ событий, внося в нее «вес» событий с учетом их содержания. Определяется «вес» радостных, грустных, прошедших, будущих событий и событий в целом по каждому виду, «вес» событий различных типов. Итоговые данные могут быть представлены в обобщенном табличном виде.

Результаты исследования и их обсуждение

Материалы клинико-психологического исследования. По материалам клинической беседы и структурированного интервью установлено, что испытуемыми очевидно предъявлялись жалобы на расстройства настроения (депрессивные и тревожные переживания, выраженные колебания эмоционального фона), раздражительность, усталость и чувство апатии, неудовлетворенность собой, своим статусом, межличностными отношениями, ощущение бессмысленности жизни, отсутствие перспектив в будущем. Последние очевидно соотносились с внутренними формами суицидального поведения (антивитальными переживаниями, суицидальными мыслями или намерениями и действиями), в отношении

которых пациенты сами осознавали и декларировали их аутодеструктивную роль. У лиц с внутренними формами суицидального поведения и с опытом попыток суицидальных актов (незавершенных демонстративных либо истинных) в описаниях проявлялись признаки так называемого эффекта «обрыва» суицидальной попытки. На фоне низкого уровня импульсивности и высокой интернальности существующая у них «хаотичность» копинг-стратегий не позволяет им реализовать внутреннее напряжение в том числе в суицидальном акте. Однако длительная невозможность отреагировать накапливающийся аффект в целом приводит к снижению способности пациентов к произвольному контролю суицидальных побуждений. Последнее чаще всего и является поводом для обращения за медико-психологической помощью. В отличие от этого реализованные попытки чаще всего происходят у суицидентов с высоким уровнем импульсивности и низкой интернальностью (у импульсивных экстерналов), у которых острая психологическая боль приводит к реализации суицидальных поведенческих актов как способу аффективного отреагирования суицидентом своего состояния.

В целом полученные клинико-психологические и эмпирические данные по методикам BDI и BHS позволили подтвердить исходную характеристику исследованной выборки как лиц с симптоматикой субдепрессивного круга, в структуру которой включаются феномены, относящиеся к так называемым внутренним формам суицидального поведения (антивитальные переживания, суицидальные мысли или тенденции) и проявления безнадежности и безысходности.

Материалы исследования по методике «Семантический дифференциал времени». Анализ характеристик субъективного восприятия времени в прошлом и в будущем проводился сравнительно с показателями по шкалам оценки настоящего (табл. 1).

В целом анализ балльных оценок по шкалам СДВ (табл. 1) свидетельствует, что респонденты с внутренними формами суицидального поведения оценивают актуальную действительность преимущественно негативно, их видение настоящего окрашено пессимистично (интегральный показатель переживания настоящего СВОВ = $-2,3 \pm 4,9$).

В переживаниях значительно выражен аффективный компонент подавленности и

Таблица 1

Средние шкальные показатели по методике «Семантический дифференциал времени», полученные при оценке настоящего, прошлого и будущего респондентами с внутренними формами суицидального поведения

Факторы времени (В) (по шкалам СДВ)	Оцениваемые периоды времени		
	Прошлое	Настоящее	Будущее
Активность времени АВ	5,4 ± 2,3	-1,5 ± 4,2	-1,5 ± 4,3
Эмоциональная окраска времени ЭоВ	4,7 ± 3,7	-5,3 ± 6,2	-3,5 ± 5,7
Величина времени ВВ	4,7 ± 5,2	-3,6 ± 5,8	-2,0 ± 4,9
Структура времени СВ	3,6 ± 3,9	-3,3 ± 5,5	-0,7 ± 3,7
Ощущаемость времени ОВ	3,2 ± 3,5	1,6 ± 6,8	-1,3 ± 4,1
Средняя величина оценки времени СВОВ	4,3 ± 2,6	-2,3 ± 4,9	-1,7 ± 4,6

вины (ОВ = -5,3 ± 6,2), что может формировать крайне болезненные и непереносимые эмоции и чувства, чаще всего – в виде выраженной тревоги, напряжения, неопределенности и всеобъемлющего чувства беспомощности-безнадежности, связанных с ситуационным стрессом, неудовлетворенностью ситуацией и собственной неспособностью разрешить имеющиеся у них проблемы.

Низкий уровень активности актуального психологического времени (АВ = -1,5 ± 4,2) свидетельствует, что настоящее воспринимается как «мгновенное», «маленькое» и фактически ничем не заполненное. Представление о настоящем как о «пассивном» и «пустом» отражает наличие повышенной нервно-психической истощаемости и низком уровне жизненного тонуса у испытуемых. Недостаток витального тонуса, инертность, пассивность, некоторая статичность внутренней жизни косвенно подтверждает наличие у испытуемых симптоматики астенических и депрессивных расстройств.

Кроме того, настоящее представляется как малоструктурированное, «необратимое», «неритмичное» (СВ = -3,3 ± 5,5), в силу чего собственная деятельность и общий ход жизненных событий воспринимаются испытуемыми как недостаточно прогнозируемые и недостаточно понятные. Переживание ситуации неопределенности и жизни в непредсказуемых условиях лишь потенцирует постоянный дистресс и повышает психотравматизацию.

Обращает на себя внимание единственный относительно позитивно оцениваемый испытуемыми фактор настоящего – «Ощущаемость времени» (ОВ = 1,6 ± 6,8), что отражает наличие у респондентов этой группы тесной психологической связи с актуальной ситуацией, проявляющейся в их всесторонней вовлеченности и погруженности в нее, интуитивном восприятии и переживании событий жизни как лично значимых.

В отличие от этого, оценка переживания респондентами своего прошлого показывает, что оно считается наиболее хорошим (СВОВ = 4,3 ± 2,6) и наиболее активным периодом их жизни (АВ = 5,4 ± 2,3), эмоционально позитивно окрашенным (ЭоВ = 4,7 ± 3,7), наполненным смыслом и высокозначимыми событиями (ВВ = 4,7 ± 5,1). В несколько меньшей степени они считают его понятным для себя, ясным, наполненным упорядоченными, прогнозируемыми и подконтрольными им событиями (СВ = 3,6 ± 3,9). Таким образом, у лиц с суицидальным риском высокая активность (динамичность) прошлого может указывать на наличие в то время выраженной энергетической наполненности психической жизни и свою удовлетворенность ею, и наличие на этом фоне более высокой самооценки. Такая эмоциональная идеализация прошлого контрастирует с актуальным состоянием подавленности, что может отражать попытку «бегства в прошлое» этой группы пациентов в связи с ощущением неспособности преодолеть возникшие трудности. Расхождения в оценке эмоциональной окраски прошлого и настоящего психологического времени могут отражать как эмоциональный дискомфорт в связи с утратой значимых источников удовольствия и радости, так и утрату способности получать удовольствие от того, что раньше его приносило, что соответствует представлениям о содержании ангедонистического компонента депрессии. В целом прошлое воспринимается респондентами как относительно стабильный и безопасный период их жизни. Настоящее в представлениях респондентов значительно уступает прошлому в отношении активности, степени психического напряжения и смысловой наполненности своего времени, что подтверждает факт низкой насыщенности их жизни значимыми событиями и собственной нереализованностью в настоящем.

В противовес этому собственное будущее у респондентов, характеризующихся наличием внутренних форм суицидального поведения, представляется в целом пессимистическим, правде не столь негативно, как оценка настоящего ($СВОВ_{буд} = -1,7 \pm 4,6$ против $СВОВ_{наст} = -2,3 \pm 4,9$). В силу этого психологическая характеристика самооценки будущего в целом напоминает таковую в отношении настоящего. Сохранение в целом отрицательной оценки будущего подкрепляет наличие субъективно ощущаемого чувства безнадежности и дает основания для вывода о сохранении негативного прогноза в отношении суицидальной опасности.

Представляется, что больший интерес может представлять не столько собственно балльная оценка будущего по факторам методики СДВ, сколько анализ сдвига оценок будущего по сравнению с оценками настоящего.

Наибольшие изменения ($p < 0,005$) отмечаются по фактору структурированности времени ($СВ_{буд} = -0,7 \pm 3,7$ против $СВ_{наст} = -3,3 \pm 5,5$), что свидетельствует о желании пациентов разрабатывать детальные планы в отношении своего будущего, формировать более точные и понятные для себя представления о предстоящих событиях, определенным образом организовывать, структурировать и управлять своим временем в будущем. Кроме того, полученные данные можно рассматривать и как наличие определенного психотерапевтического потенциала.

Аналогичная, но чуть меньше по величине изменений, отмечается динамика по шкалам величины и эмоциональной окраски времени ($ВВ_{буд} = -2,0 \pm 4,9$ против $ВВ_{наст} = -3,6 \pm 5,8$ и $ЭоВ_{буд} = -3,5 \pm 5,7$ против $ЭоВ_{наст} = -5,3 \pm 6,2$, все при $p < 0,05$).

Как следствие, можно предполагать желание испытуемых снизить в будущем число труднопреодолимых для себя препятствий в удовлетворении своих потребностей, наполнить «пространство» будущего значимыми событиями, уменьшить чувство внутренней скованности и фрустрированность, преодолеть существующее блокирование позитивных побуждений.

Кроме того, у принявших участие в исследовании отмечается очевидная надежда на преодоление их негативных переживаний, на появление у них чувства радости и удовольствия от жизни. Вместе с тем, лица с внутренними формами суицидального поведения про-

ецируют в будущее собственную беспомощность и безнадежность в настоящем.

Важно отметить, что структура будущего видится ими достаточно нечетко, что отражает отсутствие четких планов и собственно понимания и осознания своих потребностей, реализация которых в будущем невозможна в виду наличия безнадежности. Будущее воспринимается как малонапряженный и мало динамичный период. При этом испытуемые предполагают, что уровень насыщенности жизни событиями и впечатлениями в ближайшем будущем изменится в лучшую сторону, но несущественно.

Такого рода рассогласование представлений о трех точках субъективного психологического времени свидетельствует о сохраняющемся тренде проецирования в будущее ярко выраженного актуального депрессивного компонента безнадежности, беспомощности, безысходности и бесперспективности.

Материалы исследования по методике «Психологическая автобиография»

Анализ полученных по методике «Психологическая автобиография» данных показывает (табл. 2), что респонденты выделяют в своей прошедшей жизни два периода:

1) отдаленный период радостных событий, связанных, как правило, с переменами в их семейной жизни;

2) недавний период преимущественно грустных событий, связанных в основном с ухудшением их психического здоровья, определяющий негативное восприятие жизни в целом.

Будущее испытуемыми воспринимается слабо; тесная связь его со вторым периодом прошлого обусловлена сильным беспокойством за своё эмоциональное состояние.

Общее количество названных респондентами событий ($9,1 \pm 0,34$) несколько ниже норм методики, что в целом свидетельствует о низкой продуктивности воспроизведения ими образов своей жизни, трудностях их актуализации, определенном однообразии ответов, что проявляется при описании как прошедших, так и будущих событий. При этом число упомянутых прошедших событий превышает число будущих, а число грустных превалирует над радостными. Аналогичные закономерности наблюдаются и при оценке показателей веса этих событий.

По сравнению с приводимыми авторами методики нормативными данными обращает на себя внимание отсутствие упоминаний

Таблица 2

Обобщенные характеристики психологических событийно-автобиографических событий
у респондентов с внутренними формами суицидального поведения

Характеристика событий	Количество событий	Удельный вес событий	Среднее время	
			антиципации	ретроспекции
Прошедшие события	6,5 ± 0,25	20,2 ± 1,8	Не оценивается	Не оценивается
Будущие события	2,6 ± 0,4	15,7 ± 1,7	Не оценивается	Не оценивается
Радостные события	5,3 ± 0,4	15,5 ± 1,8	4,6 ± 0,9	10,6 ± 1,8
Грустные события	3,8 ± 0,2	20,4 ± 1,2	4,8 ± 1,8	4,4 ± 0,2
Общее значение	9,1 ± 0,34	35,9 ± 1,8	4,7 ± 0,7	8,4 ± 1,2

респондентами обследованной группы упоминаний радостных событий будущего; грустные события менее всего удалены в будущее (т. е. отмечается большая потенциальность событий), у них просматривается тенденция высоко оценивать грустные события и низко – радостные.

В типологии событий первое место занимают события IV типа, связанные с изменениями социальной среды, при этом в числе преобладающих событий у многих обследованных указывается развод, затем события, связанные с работой и учебой. Второе место в этой типологии занимают события II типа (личностно-психологические), с преобладанием событий, связанных с утратой значимого объекта, прежде всего в случае смерти близких, реже – при расставании с партнёром, и, еще реже – развод родителей. На третьем месте находятся события I типа (биологические), представленные прежде всего рождением ребёнка, а у женщин – события, связанные с абортom.

Наиболее важным диагностическим показателем является мера удалённости называемых событий в прошлое. По результатам анализа показателей среднего времени антиципации и ретроспекции событий установлено, что у респондентов обследованной группы существует склонность чаще называть более отдалённые прошедшие события и более близкие будущие события. Полученные данные свидетельствуют о большей субъективной значимости прошлого опыта и сложностях прогнозирования будущего у лиц с внутренними формами суицидального поведения, наблюдаемыми на фоне субдепрессивной симптоматики и переживания чувства безнадежности – безысходности.

Выводы

1. Временная перспектива у обследованных лиц с наличием внутренних форм суицидального поведения в ситуации переживания безнадежности характеризуется рядом особенностей:

- проявление пессимизма при общем

негативном отношении к психологическому содержанию настоящего и будущего наблюдается на фоне ярко выраженного позитивного отношения к прошлому;

- пессимистическая оценка актуальной ситуации настоящего времени определяет у них аналогичность картины будущего с надеждами на некоторое смягчение такой симптоматики.

Такого рода согласованность данных свидетельствует о проецировании в будущее ярко выраженного актуального депрессивного компонента безнадежности, беспомощности, безысходности и бесперспективности.

2. Настоящее в представлениях лиц с внутренними формами суицидального поведения значительно уступает прошлому в отношении активности, степени психического напряжения и смысловой наполненности, что свидетельствует о низкой степени насыщенности событиями их жизни и низкой степени реализованности их в настоящем.

3. Склонность выделять более отдалённые прошедшие события и более близкие будущие события у обследованных респондентов связана со значимостью для них прошлого опыта и сложностью прогнозирования будущего.

4. Используемые в исследовании временной перспективы методы, методики и исследовательский дизайн могут быть включены в рабочую психодиагностическую батарею для оценки риска суицидальной активности.

Литература

1. Абульханова, К.А. *Время личности и время жизни* / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб., 2001. – 299 с.
2. Амбрумова, А.Г. *Суицидальное поведение как объект комплексного изучения* / А.Г. Амбрумова // *Комплексные исследования в суицидологии: сборник научных трудов*. – М.: Изд-во Моск. НИИ психиатрии МЗ СССР, 1986. – С. 7–25.
3. Амбрумова, А.Г. *Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности* / А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко // *Актуальные вопросы суицидологии*. – М., 1978. – С. 6–28.

4. Арестова, О.Н. *Операциональные аспекты временной перспективы личности* / О.Н. Арестова // *Вопросы психологии*. – 2000. – № 4. – С. 61–73.
5. Бек, П. *Психометрические шкалы оценки суицидального риска* / П. Бек, Л. Ольсен, А. Нимеус // *Напрасная смерть. Причина и профилактика самоубийств* / ред. Д. Вассерман. – М.: Смысл, 2005. – С. 163–170.
6. Белановская, О.В. *Временная перспектива жизненных планов в юношестве* / О.В. Белановская // *Проблемы социальной психологии личности*. Саратов: СГУ, 2008. – http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30275.shtml (дата обращения: 28.12.2013)
7. Бовин, Б.Г. *Типология временных перспектив осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы* / Б.Г. Бовин, Ю.В. Славинская // *Человек: преступление и наказание*. – 2011. – № 4(75). – С. 110–114.
8. Бороздина, Л.В. *Возрастные изменения временной перспективы субъекта* / Л.В. Бороздина, И.А. Спиридонова // *Психологический журнал*. – 1998. – Т. 19, № 3. – С. 34–47.
9. Бурлачук, Л.Ф. *Психология жизненных ситуаций* / Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 263 с.
10. Вассерман, Л.И. *Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии: пособие для врачей и медицинских психологов* / Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова, К.Р. Червинская. – СПб., 2009. – 44 с.
11. Головаха, Е.И. *Психологическое время личности* / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев, 1984. – 207 с.
12. Головаха, Е.И. *Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности* / Е.И. Головаха. http://bookap.info/genpsy/kulikov_psihologiya_lichnosti_v_trudah_otechestvennyh_psihologov/gl39.shtml (дата обращения: 20.11.2012)
13. Гурова, О.С. *Психологические особенности субъективных представлений о жизненных перспективах участников локальных войн: дис. ... канд. психол. наук* / О.С. Гурова. – Барнаул, 2004.
14. Демина, И.А. *Изучение жизненных перспектив старшеклассников в контексте субъективной картины жизненного пути: дис. ... канд. психол. наук* / И.А. Демина. – М., 1997.
15. Ермолова, И.М. *Временная перспектива у суицидентов при переживании безнадежности* / И.М. Ермолова, О.В. Крунэ, И.А. Вишняков // *Омский психиатрический журнал*. – 2015. – № 3 (5). – С. 38–41.
16. Зарубин, П.В. *Временная перспектива и экономическая нестабильность: сравнительное исследование 2007 и 2013 гг.* / П.В. Зарубин, А. Сырцова // *Психологические исследования: электронный научный журнал*. – 2013. – Т. 6, № 32. – С. 9. – <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/911-zarubin32>
17. Зотов, М.В. *Суицидальное поведение: механизмы развития, диагностика, коррекция* / М.В. Зотов. – СПб.: Речь, 2006. – 144 с.
18. Квасова, О.Г. *К современному состоянию проблемы временной перспективы личности* / О.Г. Квасова // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2012. – № 5. – С. 137–141.
19. Квасова, О.Г. *Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации: дис. ... канд. психол. наук* / О.Г. Квасова. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 37–61.
20. Квасова, О.Г. *Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации* / О.Г. Квасова // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. – 2011. – № 4. – С. 109–117.
21. Кроник, А.А. *Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования, диагностики и коррекции: дис. в виде науч. докл. ... д-ра психол. наук* / А.А. Кроник. – М., 1994. – 171 с.
22. Кроник, А.А. *Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути* / А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров. – М., 2008. – 294 с.
23. Кузнецова, О.В. *Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков* / О.В. Кузнецова // *Психологическая наука и образование*. – 2007. – № 3. – С. 5–15.
24. Мандрикова, Е.Ю. *Современные подходы к изучению временной перспективы личности* / Е.Ю. Мандрикова // *Психол. журн*. – 2008. – Т. 29, № 4. – С. 54–65.
25. Мидько, А.А. *Чувство безнадежности и личностная predisпозиция к суицидальному поведению* / А.А. Мидько // *Академический журнал Западной Сибири*. – 2012. – № 5. – С. 30–31.
26. Мидько, А.А. *Суицидальное поведение мужчин: уточнение роли безнадежности и депрессии методами структурного моделирования. Ч. I. Влияние безнадежности на риск тяжёлых суицидальных попыток* / А.А. Мидько, Б.В. Бирон, В.А. Розанов // *Суицидология*. – 2013. – Т. 4, № 3(12). – С. 17–26.
27. Миско, Е.А. *Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии ЧАЭС* / Е.А. Миско, Н.В. Тарабрина // *Психологический журнал*. – 2004. – № 3. – С. 44–52.
28. Павлова, Е.В. *Изменения временной перспективы у пациентов в кризисных состояниях* / Е.В. Павлова, П.П. Симонова // *Известия Урал. гос. ун-та. Сер. I: Проблемы образования, науки и культуры*. – 2011. – Т. 95. – № 4. – С. 225–231.
29. Ральникова, И.А. *Перестройка системы жизненных перспектив человека на этапе переломных событий: моногр.* / И.А. Ральникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012.

30. Савлакова, Н.М. Временная перспектива личности: теоретический анализ проблемы / Н.М. Савлакова // *Философия и социальные науки*. – 2010. – № 3. – С. 18–24.
31. Соколова, Е.Т. Проблема суицида: клинико-психологический ракурс / Е.Т. Соколова, Ю.А. Сотникова // *Вопросы психологии*. – 2006. – № 4. – С. 104–115.
32. Сурикова, Я.А. Особенности временной перспективы пожилых, проживающих в условиях социальной изоляции / Я.А. Сурикова // *Личность в экстремальных условиях*. Вып. 2: сб. науч. тр.: в 2 ч. / науч. ред. А.В. Серый, М.С. Яницкий; под общ. ред. А.А. Бучек, Ю.Ю. Неяскиной, М.А. Фризеня. – Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. – Ч. 2. – С. 90–97.
33. Сырцова, А. Возрастная динамика временной перспективы личности: дис. ... канд. психол. наук / А. Сырцова. – М., 2008. – 317 с.
34. Сырцова, А. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо А. Сырцова, Е.Т. Соколова, О.В. Митина // *Психологический журнал*. – 2008. – Т. 29, № 3. – С. 101–109.
35. Тарабрина, Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с. – (Серия «Практикум по психологии»).
36. Gjesme, T. The concept of future time orientation: consideration of some functions and implications / T. Gjesme // *International Journal of psychology*. – 1983. – V. 5. – P. 443–662.
37. Lens, W. Future-time perspective: an individual and a societal approach / W. Lens, M.A. Moreas // *Psychology of future orientation* / Ed. Zaleski Z. – Lublin, 1994. – P. 23–38.
38. Nuttin, J. Future time perspective and motivation: Theory and research method / J. Nuttin, W. Lens. – Leuven & Hillsdale, NJ: Leuven University Press & Erlbaum, 1985.
39. Zimbardo, P.G. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-differences metric / P.G. Zimbardo, J.N. Boyd // *Journal of personality and social psychology*. – 1999. – Vol. 77. – P. 1271–1288.

Ермолова Ирина Михайловна, медицинский психолог, Омская клиническая психиатрическая больница им. Н.Н. Солодниковой (Омск), valeria@rambler.ru

Штрахова Анна Владимировна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической психологии, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), avshtrahova@mail.ru

Поступила в редакцию 17 октября 2015 г.

DOI: 10.14529/psy150405

TIME PERSPECTIVE AND HOPELESSNESS FEELING IN THE STRUCTURE OF INTERNAL FORMS OF SUICIDAL BEHAVIOR

I.M. Ermolova¹, valeria@rambler.ru

A.V. Shtrakhova², avshtrahova@mail.ru

¹ *Omsk Clinical Psychiatric Hospital named N.N. Solodnikova, Omsk, Russian Federation*

² *South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

The article deals with the theoretical overview of the personality's time perspective problem in its connection with the helplessness experience in patients with depressive disorders and suicidal behavior. It is analyzed some aspects of the psychological content of time perspective and hopelessness feeling in 37 patients seeking medical and psychological assistance due to phenomena of internal forms of suicidal behavior such as anti-vital feelings, suicidal thoughts or intentions. With the Beck Depression Inventory (BDI) and the Beck Hopelessness Scale (BHS) were verified that they have subdepressive symptoms and despair, hopelessness manifestations. Using techniques "Semantic Differential Time" and "Psychological Autobiography" it was shown that the time perspective in these patients in a hopelessness situation characterized by mostly pessimistic assessment of the present, which is projected into the future with a little more positive characteristics. At the same time the past is idealized and evaluated positively by all the psychological content factors of the time – his activity, emotional evaluation, structuring, mental stress degree and meaning fullness. Low degree of eventful life and patients' realizing are conformed with the evaluation structure of psychological time in the future and sorted with projecting

into the future actual for them depressive component of hopelessness, helplessness, despair and lack of the prospectivity. It is examined the patients tendency to autobiographically stand out more distant past events and near future events among all the events of psychological time. This tendency is associated with the importance for them of past experience and the future predicting complexity. It is shown that this "time perspective" techniques and algorithms can be used in the psycho-prophylaxis the risk of suicidal behavior.

Keywords: time perspective of the personality, a hopelessness sense, depression, suicidal behavior, semantic differential time.

References

1. Abul'khanova K.A., Berezina T.N. *Vremya lichnosti i vremya zhizni* [Time of Personality and Life Time]. St. Petersburg, 2001. 299 p.
2. Ambrumova A.G. [Suicidal Behavior as an Object of Complex Study]. *Kompleksnye issledovaniya v suitsidologii: sbornik nauchnykh trudov* [Complex Research Suicidology: Collected Papers]. Moscow, Moscow Institute of Psychiatry USSR Ministry of Health Publ., 1986, pp. 7–25. (in Russ.)
3. Ambrumova A.G., Tikhonenko V.A. [Suicide as a Phenomenon of Social and Psychological Disadaptation of Personality]. *Aktual'nye voprosy suitsidologii* [Topical Issues Suicidology]. Moscow, 1978, pp. 6–28. (in Russ.)
4. Arestova O.N. [Operational Aspects of Personality Time Perspective]. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 2000, no. 4, pp. 61–73.
5. Bek P., Ol'sen L., Nimeus A. [Psychometric Evaluation Scale Suicide Risk]. *Naprasnaya smert'. Prichina i profilaktika samoubiystv* [Vain Death. Cause and Prevention of Suicide], Moscow, Smysl Publ., 2005, pp. 163–170. (in Russ.)
6. Belanovskaya O.V. *Vremennaya perspektiva zhiznennykh planov v yunoshestve* [The Time Perspective of Life Plans in Adolescence]. *Problemy sotsial'noy psikhologii lichnosti* [Problems of Social Psychology of Personality]. Available at: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30275.sht ml (accessed: 28.12.2013).
7. Bovin B.G., Slavinskaya Yu.V. [The Typology of Time Horizons of Convicts Serving Life Imprisonment]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: Crime and Punishment], 2011, no. 4(75), pp. 110–114. (in Russ.)
8. Borozdina L.V., Spiridonova I.A. [Age-Related Changes of the Subject's Time Transspective]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 1998, vol. 19, no. 3, pp. 34–47. (in Russ.)
9. Burlachuk L.F., Korzhova E.Yu. *Psikhologiya zhiznennykh situatsiy* [Psychology of Life Situations]. Moscow, «Rossiyskoe pedagogicheskoe agentstvo» Publ., 1998. 263 p.
10. Vasserman L.I., Trifonova E.A., Chervinskaya K.R. *Semanticheskii differentsial vremeni: ekspertnaya psikhodiagnosticheskaya sistema v meditsinskoj psikhologii: posobie dlya vrachey i meditsinskikh psikhologov* [Semantic Differential of Time: Expert Psycho-Diagnostic System in Medical Psychology]. St. Petersburg, 2009. 44 p.
11. Golovakha E.I., Kronik A.A. *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological Time of Personality]. Kiev, 1984. 207 p.
12. Golovakha E.I. *Zhiznennaya perspektiva i tsennostnye orientatsii lichnosti* [Life Prospects and Values of the Personality]. Available at: http://bookap.info/genpsy/kulikov_psihologiya_lichnosti_v_trudah_otechestvennykh_psihologov/gl39.sh tm (accessed 20.11.2012).
13. Gurova O.S. *Psikhologicheskie osobennosti sub"ektivnykh predstavleniy o zhiznennykh perspektivakh uchastnikov lokal'nykh voyn. Dis. kand. psikhol. nauk* [Psychological Features of Subjective Representations about Vital Prospects of Participants in Local Wars. Diss. Kand.]. Barnaul, 2004, 176 p.
14. Demina I.A. *Izuchenie zhiznennykh perspektiv starsheklassnikov v kontekste sub"ektivnoy kartiny zhiznennogo puti. Dis. kand. psikhol. nauk* [The Study of High School Life Prospects in the Context of Subjective Course of Life Picture. Diss. Kand.]. Moscow, 1997, 145 p.
15. Ermolova I.M., Krune O.V., Vishnyakov I.A. *Vremennaya perspektiva u suitsidentov pri perezhivanii beznadezhnosti* [The Time Perspective of People in Suicide from the Experience of Hopelessness]. *38 Omskii psikhiatricheskii zhurnal* [38 Omsk Psychiatry Journal], 2015, no. 3 [5], pp. 38–41.
16. Zarubin P.V., Syrsova A. *Vremennaya perspektiva i ekonomicheskaya nestabil'nost': sravnitel'noe issledovanie 2007 i 2013 gg.* [The Time Perspective and Economic Instability: a Comparative Study in 2007 and 2013.]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronny nauchnyy zhurnal* [Psychological Research: an Electronic Scientific Journal], 2013, T. 6, no. 32, p. 9. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/911-zarubin32> (accessed 12.07.2013).
17. Zotov M.V. *Suitsidal'noe povedenie: mekhanizmy razvitiya, diagnostika, korrektsiya* [Suicidal Behavior: Mechanisms of Development, Diagnosis, Correction]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2006. 144 p.
18. Kvasova O.G. [The Present State of the Problem of Personality Time Perspective]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [The Historical and Socio-Educational Thought], 2012, no. 5, pp. 137–141. (in Russ.)
19. Kvasova O.G. *Transformatsiya vremennoy perspektivy lichnosti v ekstremal'noy situatsii. Dis. kand. psikhol. nauk* [The Transformation of the Temporal Perspective of the Person in an Emergency Situation. Diss. Kand.]. Moscow, MGU Publ., 2013. pp. 37–61.

20. Kvasova O.G. [The Transformation of the Temporal Perspective of the Person in an Emergency Situation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14 Psikhologiya* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 14. Psychology], 2011, no. 4, pp. 109–117. (in Russ.)
21. Kronik A.A. *Sub"ektivnaya kartina zhiznennogo puti kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya, diagnostiki i korrektsii: dis. v vide nauch. dokl. d-ra psikhol. nauk* [The Subjective Picture of Life's Journey as a Subject of Psychological Research, Diagnosis and Correction. Abstract of Doct. diss.]. Moscow, 1994. 171 p.
22. Kronik A.A., Akhmerov R.A. *Kauzometriya: Metody samopoznaniya, psikhodiagnostiki i psikhoterapii v psikhologii zhiznennogo puti* [Kauzometriya: Methods of Self-actualization, Psycho-diagnostics and Therapy in the Psychology of Life's Journey]. Moscow, 2008. 294 p.
23. Kuznetsova O.V. [The Role of Time Perspective in Personal and Professional Self-determination of Teenagers]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2007, no. 3, pp. 5–15. (in Russ.)
24. Mandrikova E.Yu. [Modern Approaches to the Study of Personality Time Perspective]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2008, vol. 29, no. 4, pp. 54–65. (in Russ.)
25. Mid'ko A.A. [The Sense of Hopelessness and Personal Predisposition to Suicidal Behavior]. *Akademi-cheskiy zhurnal Zapadnoy Sibiri* [Academic Journal of Western Siberia], 2012, no. 5, pp. 30–31. (in Russ.)
26. Mid'ko A.A., Biron B.V., Rozanov V.A. [Suicidal Behavior of Men: Clarification of the Role of Hopelessness and Depression Methods of Structural Modeling. Part I. Effect of Hopelessness on the Risk of Severe Suicide Attempts]. *Suitsidologiya* [Suicidology], 2013, vol. 4, no. 3(12), pp. 17–26. (in Russ.)
27. Misko E.A., Tarabrina N.V. *Osobennosti zhiznennoy perspektivy u veteranov voyny v Afganistane i likvidatorov avarii ChAES* [Features the Life Prospects of the Veterans of the War in Afghanistan and the Chernobyl Accident Liquidators]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2004, no. 3, pp. 44–52. (in Russ.)
28. Pavlova E.V., Simonova P.P. [Time Change the Prospects for Patients in Crisis]. *Izvestiya Ural. gos. un-ta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [News Ural State. Univ. Ser. 1: Problems of Education, Science and Culture], 2011, vol. 95, no. 4, pp. 225–231. (in Russ.)
29. Ral'nikova I.A. *Perestroyka sistemy zhiznennykh perspektiv cheloveka na etape perelomnykh sobytii: monografiya* [Restructuring of Human Life Prospects System on the Sage of the Crucial Events: Monograph]. Barnaul, Altai University Publ., 2012.
30. Savlakova N.M. [The Time Perspective of the Personality: a Theoretical Analysis of the Problem]. *Filoso-fiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and Social Sciences], 2010, no. 3, pp. 18–24. (in Russ.)
31. Sokolova E.T., Sotnikova Yu.A. [The Suicide Problem: Clinical-Psychological Perspective]. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 2006, no. 4, pp. 104–115. (in Russ.)
32. Surikova Ya.A. [Time Prospects Features of Elderly Living in Social Exclusion]. *Lichnost' v ekstrem-al'nykh usloviyakh* [Person in Extreme Conditions]. Petropavlovsk-Kamchatski, Kamchatka State University named after Vitus Bering Publ., 2012, iss. 2, pp. 90–97. (in Russ.)
33. Syrtsova A. *Vozrastnaya dinamika vremennoy perspektivy lichnosti. Dis. kand. psikhol. nauk* [Age Dynamics of Personality Time Perspective. Diss.Kand.]. Moscow, 2008. 317 p.
34. Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V. [Zimbardo's Adaptation of the Questionnaire Personality Time Perspective]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2008, vol. 29, no. 3, pp. 101–109. (in Russ.)
35. Tarabrina N.V. *Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa* [Workshop on the Psychology of Post-Traumatic Stress]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 272 p.
36. Gjesme T. The concept of future time orientation: consideration of some functions and implications. *International Journal of psychology*, 1983, vol. 5, pp. 443–662. doi: 10.1080/00207598308247493.
37. Lens W., Moreas M.A., Zalesci Z. (Ed.) *Future-time perspective: an individual and a societal approach. Psychology of future orientation*. Lublin, 1994, pp. 23–38.
38. Nuttin J., & Lens W. *Future time perspective and motivation: Theory and research method*. Leuven & Hillsdale, NJ: Leuven University Press & Erlbaum, 1985.
39. Zimbardo P.G., Boyd J.N.. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-differences metric. *Journal of personality and social psychology*, 1999, vol. 77, pp. 1271–1288. doi:1271-1288.

Received 17 October 2015

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Ермолова, И.М. Временная перспектива и переживание безнадежности в структуре внутренних форм суицидального поведения / И.М. Ермолова, А.В. Штрахова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2015. – Т. 8, № 4. – С. 39–51. DOI: 10.14529/psy150405

FOR CITATION

Ermolova I.M., Shtrakhova A.V. Time Perspective and Hopelessness Feeling in the Structure of Internal Forms of Suicidal Behavior. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*. 2015, vol. 8, no. 4, pp. 39–51. (in Russ.). DOI: 10.14529/psy150405